

МАМА,
ОСТАЇНЬСЯ

драма

Макарова Анна

- Что, так и не открывает?

Лидия Викторовна уже несколько минут барабанила в хлипкую, изношенную дверь квартиры №20. За 30 лет работы в органах опеки женщина привыкла и к закрытым намертво дверям, и беспроглядной пелене перегара (в лучшем случае) внутри этих квартир, и неадекватным "родителям" - чего уж не насмотришься за это время. Но к одному Лидия Викторовна так и не смогла привыкнуть - равнодушие. А если точнее к той лёгкости и безразличию, с которой эти когда-то разумные люди отдаляются от своих маленьких ангелочков.

- Нет, Оля. Всё как всегда: ничего не вижу, ничего слышу. - тяжело вздохнув Лидия Викторовна посмотрела на свою напарницу. Олечка, как она её ласково называла, пришла к ним совсем недавно, но уже показала себя как отличную сотрудницу - девушка всегда быстро реагировала на все сообщения, касающиеся неблагополучных семей, оперативно наводила справки о каждом случае и даже вела свою электронную картотеку, где были собраны семьи - неисправимцы и семьи - надежды. В последней собирались те, кто смог одуматься и взять не только себя в руки, но и ответственность за своего маленького. Но реальность жестока и последнее обновление этой картотеки датировано далёким 2013 годом, то есть 6 лет назад...

- Тогда звоним Юрию Борисовичу - мы пытались решить всё мирно. Дальше сюсюкаться с ними нельзя.

- Может сами все-таки решим, Олечка? Не хочу девочку пугать ещё больше.

- Лидия Викторовна, Вы сами её видели - выбитой дверью мы девчонку не удивим.

Сердце женщины сжалось до предела при упоминании о Маше - белокурой девчужке с большими голубыми глазами и невероятно задорным, когда-то, смехом. Этот звонкий колокольчик умолк около года назад - после смерти отца Маши Павла. Ещё совсем молодой мужчина утонул в реке по пьяни на глазах у девочки. Пьяная компания, вместе с которой они отдыхали, даже не попыталась помочь ему, а жена Лена лишь пару раз выплюнула несколько гнилых фразочек:

- Сука, хорош дурака валять! Из-за тебя эта мелкая дрянь разоралась - вылазий, придурок!

Тело Паши нашли где-то через неделю случайные рыбаки. Лена лишь пожала плечами, кое-как поняв с похмелья, что произошло.

- Да и хер бы с ним, хоть теперь жрать просить не будет.

Похоронами занимался брат погибшего, Дмитрий. Он то и забрал к себе Машеньку, надеясь заменить ей отца. И нужно отдать мужчине должное - у него это относительно неплохо получалось. Но не смотря на все старания Дмитрия, замкнутость девчужки упорно не уходила. Оно и не удивительно - отец был одним из немногих

светлых моментов в жизни Машеньки. Он был единственным, кто действительно любил её и защищал от пьяных припадков Лены. Теперь же девочка как никогда чувствовала себя одинокой. Дмитрий же очень старался доказать ей прямо противоположное. Стойкая борьба с совсем не детским горем продолжалась почти полгода, пока на пороге неожиданно не возникла Лена.

На удивление она была в нормальном состоянии - по крайней мере от неё не несло перегаром и волосы не были похожи на сальную мочалку. С добродушной улыбкой во весь рот, женщина выразила намерение вернуть дочь себе: "Это же моя кровиночка"... Дмитрий всегда был мягкотелым, и тот раз не стал исключением - увидев загоревшийся огонёк надежды в глазах девчушки, её желание обнять "маму", мужчина не смог противостоять. Лишь уже провожая их из подъезда Дима заметил, что у Лены сильно расширены зрачки, но тогда он не предал этому особого значения.

Пару месяцев Лена разыгрывала перед представителями органов опеки миниатюру "Я хорошая мама" - чистая одежда, улыбка до ушей (по большей степени у матери), но тишина в комнатах просто давила на уши, будто это научная библиотека, а не квартира с подвижным ребёнком.

Но придраться было не к чему, да и ребёнок только и повторял "я люблю маму - у нас всё хорошо". Да ручной попугай в такой ситуации больше фраз выдаёт, но и это никого не смутило.

Зато это, в конце концов, насторожило соседку Наталью Петровну, тихую одинокую старушку, компанию которой составлял огромный добродушный сенбернар Джек. Этот яркий дуэт и забил первым тревогу.

А началось всё с синяков на ручках Маши:

- Это я упала просто, баб Ната. - еле слышно шептала девчушка на очередной вопрос соседки. Старушка же молча кивала на однотипную отговорку и ненавязчиво стала присматривать за девочкой и её матерью.

Наталья Петровна стала чаще заходить в захудалую квартиру Горевых (даже фамилия говорящая - злая ирония судьбы, не иначе). На первый взгляд всё и правда, казалось, было в порядке, но сердце старушки так и кричало "не верь этому!". Но, как говорят, не пойман - не вор, так что Наталье Петровне оставалось лишь искать хоть какое-то подтверждение своим догадкам.

Вся неясность растворилась самым неожиданным образом.

Старина Джек всегда отличался добродушным нравом, что и сделало его общей плюшевой игрушкой всей детворы двора. Не стала исключением и Машенька. Её главный любимец был готов часами напролёт катать девчушку на своей спине, не подпуская к ней ни кого из чужих - внушительные размеры это позволяли. Однако в один из дней что-то пошло не так.

Как это часто бывало Лена выплывала вечером из подворотни и по пути к дому, как на автомате, захватывала дочку с собой, будто это была тряпичная кукла. В такие моменты Джек обычно утробно рычал, а Наталья Петровна лишь покачивала головой с досады, что никак не поможет девочке. Но видимо "добродушная морда" не собиралась опускать лапы.

В очередной приход Лены Джек повалил женщину на землю, навалившись всем весом на вяло сопротивляющееся тело. Да и что мог сделать кожаный скелет с такой машиной?

Но детский плач повернул ситуацию в обратную сторону. Машка принялась своими маленькими ручонками изо всех сил колотить пса, лишь бы тот отпустил маму. Наталье Петровне не оставалось другого выхода как оттащить Джека от расправы маленького ангела.

- Ну-ну, разошелся. Пойдём, старина, мы здесь бессильны.

- Уберите это чудище, мать вашу! Карга старая! Тебя твоя же псина сожрет - его пристрелить давно пора! - еле вставшую на ноги Лену трясло как на приёме у экзорциста.

Старушка уже привыкла к этим нападкам и научилась не обращать на них внимания. Но как не разрываться сердцу от мысли, что маленький ангел живёт в таком аду? Где же эта хваленая справедливость для всех?

- Машуль, а может ты в гости зайдешь? Чай попьем, с конфетами. - жалкая попытка хоть ненадолго забрать малышку с собой. А вдруг сработает?

- Отошла, ведьма - костлявая рука Лены уже замахнулась для удара, но Джек быстро встал на защиту хозяйки. Нелепо отшатнувшись от мохнатого борца, Лена что-то выронила из кармана куртки. Маленький прозрачный пакетик угодил в самую лужу и запятнался грязью, а немного воды попало внутрь.

Несколько секунд замешательства позволили Наталье Петровне разглядеть получше злосчастный пакетик. Старушка только ахнула - неужели и правда наркотики?

- Лена, что это такое? - Наталья Петровна пыталась скрыть волнение в голосе, но получилось не очень убедительно.

- Это мамино лекарство - ей без него очень плохо. - Маша опередила ответ матери, хотя вряд ли бы та смогла сказать что-то вразумительное. Но Наталью Петровну такой ответ не устроил - всё уже и так яснее некуда.

- Лена, не мучай хотя бы ребёнка. Она же не понимает ещё, что ты творишь. Отдай мне её, прошу.

Пустые глаза Лены смотрели куда-то сквозь соседку, напоминая какого-то призрака нежели человека.

- Лен, ты меня слышишь? - старушка слегка коснулась тонкой руки женщины. На последнюю это подействовало подобно разряду тока. Обезумевшие глаза, расцвеченные кровавой сеткой капилляров, устремились на Наталью Петровну, губы сжались в тонкую ниточку, будто их вовсе не стало. Схватив дочь под руку, Лена начала кидаться криками на соседку:

- Это моя дочь! Моя, ясно?! Я не отдам её тебе, ведьма!

- Лена, прошу, успокойся. Не пугай девочку.

- Дай мне пройти, тварь! - Лена снова попыталась ударить старушку, но Джек оказался тут как тут. Сжав между клыками руку женщины, пёс заставил выпустить чёртов пакетик из ладони. Быстро схватив его Джек скрылся в подворотне.

- Это ты его заставила сделать, ведьма! - со всей силы толкнув соседку, женщина с ребёнком залетела в подъезд. Отряхивая старое пальто после падения, Наталья Петровна кое-как доковыляла до квартиры. Взгляд старушки упал на старенький стационарный телефон и лежавшую рядом телефонную книгу. "Больше нет смысла ждать." - с этой мыслью Наталья Петровна дрожащими пальцами набрала обведённый красным в книге телефон органов опеки.

- Будьте добры, позовите Лидию Викторовну... Здравствуй, Лида, нужна твоя помощь. Срочно...

Через час Лидия Викторовна с Ольгой уже стояли перед дверью квартиры №20.

- Здравствуй, Юр.

- Здравствуй, Лида. Ольга мне всё рассказала. Надо было сразу мне звонить. Чего ждали-то?

- Не хотелось ещё больше Машеньку пугать, думала может всё-таки сами откроют.

- А они дома вообще?

- Дома. Машка сначала подбегала к двери спросить кто там, а потом сказала, что мама не велит открывать чужим.

- Вот оно как... Что ж, будем ломать.

Помотанная жизнью дверь без особого сопротивления поддалась не хитрым манипуляциям Юрия Борисовича.

Волна тишины, нахлынувшая на эту троицу из квартиры, оглушала, сильно давя на перепонки.

- Маша, ты где? - Ольга пыталась не выдавать тревоги, однако её мягкий голосок всё-таки дрогнул. Но ответа всё не следовало.

Наконец Лидия Викторовна заметила тонкую полоску света, исходящую из щёлки двери ванной.

Осторожно подходя к комнате все трое всё отчётливее различали невнятный шёпот девочки.

Аккуратно открыв дверь представители органов опеки застали картину больше подходившую к какому-то триллеру нежели к реальной жизни: на полопавшейся плитке ванной лежало тело Лены, окруженное лужей крови, застывшие глаза были сильно выпучены и устремлены в потолок, а губы уже успели посинеть. Рядом со всем этим ужасом сидела Машенька, державшая у груди руку матери, повторяя как мантру: "Мама, останься...". Казалось она даже не заметила появления посторонних.

От увиденного Лидия Викторовна вскрикнула, схватившись за сердце. Ольга же решила поскорее увести девочку отсюда.

- Нет, отпустите! Маме плохо - вы что, не видите?

- Машенька, обещаю - мы ей поможем, но тогда давай не будем здесь мешаться.
- предательские слёзы хлынули из глаз девушки. Юрий Борисович на нервах закурил затерявшуюся когда-то в глубине куртки пачку сигарет.

Из опухших глаз девочки не пролилось ни слезинки - уже нечем было плакать. Лишь всхлипывания могли ещё как-то выпускать её горе...

- Машенька, иди с Олей, мы поможем маме. - Лидия Викторовна еле стояла на трясущихся ногах - такую картину в своей практике она видела впервые.

- Нет, я не уйду от неё! - казалось даже вся голубизна глаз ушла вместе со слезами девочки. Упорство этого маленького человечка производило неизгладимое впечатление на многое видевших в этой жизни взрослых.

Ольга решила действовать решительно: буквально оторвав девочку от матери, женщина со всех ног бросилась из квартиры. Ещё несколько мгновений крики Маши эхом отдавались в подъезде, но вскоре замолкли.

- Никогда такого не видел. - Юрий Борисович шмыгнул носом, докуривая очередную сигарету.

- У девочки большое сердце - она ангел во плоти. Я никак не могу понять почему такие солнышки оказываются в таком аду?

- Проверка на прочность?

- В таком случае она прошла её как истинный боец.

- Думаешь она когда-нибудь оправится? Такой удар всё-таки.

- Шрамы остаются с нами навсегда - от них никакими силами не избавиться. Но чем раньше начать их залечивать, тем легче с ними потом жить. А это уже только моя забота. Но обещаю, что под моим надзором с ней больше ничего не случится.

Крохотные слезинки скатывались по дорожкам-морщинкам на лице Лидии Викторовны, но они уже не имели никакого значения - теперь весь смысл жизни женщина видела лишь в заботе об ангеле, прошедшего земной ад и хоть не сгорев, но сильно подпалившись в нём.

- Обещаю, я буду рядом с ней... - возможно Лена услышала эти слова, застывшие в кафельной тюрьме, но ей было уже всё равно...